

К ВОПРОСУ О „ПРОСТОМ“ ЯЗЫКЕ В МОСКОВСКОЙ РУСИ (ПСАЛТЫРЬ АВРАМИЯ ФИРСОВА)

Е. А. ЦЕЛУНОВА

Для истории русского литературного языка переломным, а потому и чрезвычайно важным является XVII в. Именно в это время происходит изменение языковой ситуации в Московской Руси – переход от церковнославянско-русской диглоссии к церковнославянско-русскому двуязычию [Успенский, 1983]. Если церковнославянско-русская диглоссия, существовавшая на Руси со времени зарождения письменности, характеризовалась четким распределением функций церковнославянского и русского языков (по выражению автора русской грамматики Г. Лудольфа: „Разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски“ [Ларин, 1937]), то в период церковнославянско-русского двуязычия наблюдается смещение функций этих языков. Так, на церковнославянском языке начинают разговаривать, он становится не столько литературным языком, сколько языком ученого сословия. Наряду с этим появляется „просторечие“ как особая форма литературного языка.

С конца XVII в. на великорусской территории появляются произведения, написанные на так называемом „простом“ языке. Значение изучения этих произведений для историка русского литературного языка очень велико, ибо именно в них вырабатываются нормы нового литературного языка.

Одним из самых ранних известных нам памятников письменности, написанных на „простом“ языке, является Псалтырь Авраамия Фирсова. Памятник необычайно интересен и важен по многим причинам: во-первых, это первая в Московской Руси попытка перевода текста Священного Писания на „простой“ язык; во-вторых, это памятник письменности, автор которого очень четко ставит перед собой именно языковую задачу: перевести Псалтырь на „простой, обиклол¹, словенской языкъ“ (л. 1). Эта задача существенно отличает Фирсова от других переводчиков и исправителей богослужебных книг. Предшественники Фирсова, желая дать людям новый перевод текстов Св. Писания, ставили перед собой конфессиональные задачи – очистить книги Св. Писания от множества ошибок, которые проникли

¹ Измененная орфография букв отмечена полужирным курсивом.

в тексты по вине переписчиков и которые порой искажали смысл текста. А. Фирсов, преследуя цель „очистить“ текст Псалтыри от непонятных его современникам слов и выражений, стоит особняком в ряду переводчиков богослужебных книг, а его труд, таким образом, представляет большой интерес для лингвистов.

До недавнего времени исследователям была известна лишь одна рукопись, содержащая текст Псалтыри А. Фирсова, — это рукопись, хранившаяся в Патриаршей (Синодальной) библиотеке, а ныне находящаяся в Отделе рукописей Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве (Син. собр., № 710). Эта рукопись была неоднократно описана, причем наиболее полное описание было сделано А. В. Горским и К. И. Невоструевым. Именно ими было отмечено, что „в некоторых местах язык употребляется не священный, а народный, и притом не всегда чисто русский“ [Горский, Невоструев, 1855, с. 190—196; Савва, 1858, с. 223; Филарет, 1859, с. 358].

Рукопись в четвертую долю листа, на 208 нумерованных листах (размер листа 16 × 20 см), написана черными чернилами аккуратной скорописью, на полях имеются глоссы, поясняющие неясные места основного текста. Хотя в целом рукопись написана одним писцом, в ней имеются исправления в тексте и глоссы, написанные другой рукой (видимо, рукой справщика). Второй почерк отличается от первого характером письма (скоропись, приближающаяся к полууставу). Бумага белая, иностранного производства, на филигранях — герб Семи провинций Бельгии. Хронологические рамки существования этой филигранны: 1656—1800 гг. [Клепиков, 1959, с. 24, 26].

На 1-м листе рукописи находится запись, указывающая, что Псалтырь была переведена в Москве в 1683 г. Авраамием Панкратьевым сыном Фирсовым.

Листы 3—4 содержат объяснение переводчика, в котором он говорит о том, что его современники отдают предпочтение книгам дониконовской справы, а новые книги „гересию называют“. Он обвиняет их в невежестве и дальше дает яркую картину раскола.

Листы 5—8 занимает Предисловие к читателю, в котором Фирсов говорит о том, что Псалтырь не всегда можно читать „съ разумомъ“, ибо в ней „много речени разныхъ языковъ“, а потому „ниѣ в сеи книгѣ мсаломнои, истолкованы мсалмы, на нашъ простой словенской языкъ“.

К лицевой доске рукописи приклеена записка следующего содержания: „рчд (1686) декабря въ д^{се} по указу великиа г^{дре} прислана ис стрелецкого прика^{зу} ко стѣишему патриарху в кр^{стовую} полату псалты^р преведенная с ... ранской библии и февраля въ д^{се} свѣтѣишии патриархъ указа^н то^н книге бытъ в р^{зно} ка^{нѣ} а бе^з указу смотри^т давать не велено никому“.

Как уже отмечалось, рукопись ГИМ была неоднократно описана, а язык ее был исследован в дипломной работе студентки МГУ [Исаченко, 1981], написанной по заданию проф. Б. А. Успенского. Т. Исаченко первой обратила внимание на второй почерк в рукописи, ею же впервые было высказано предположение, что Псалтырь А. Фирсова является переводом не с немецкой Псалтыри, как считали раньше, а с польской Псалтыри. Впервые ошибочная мысль о том, что Псалтырь Фирсова является переводом с немецкого, была высказана киевским митрополитом Евгением Болховитиновым сначала в небольшой статье, опубликованной в журнале [Сын Отечества, 1822, с. 180], а затем то же сообщение перекочевало в „Словарь русских светских писателей...“ Вот что сообщает Евгений: „Фирсов Аврам Панкратьевич, переводчик Посольского приказа, в 1683 г. по повелению царей Иоанна и Петра Алексеевичей перевел из Лютеровой немецкой библии Псалтырь на простой Российский язык. Сей перевод хранится доныне между рукописями Московской Патриаршей Библиотеки“ [Евгений, 1845, с. 230].

Впоследствии все авторы описаний этой рукописи, а также авторы, упоминавшие в своих сочинениях Псалтырь Фирсова, писали о Фирсове как о переводчике Посольского приказа, а о его Псалтыри – как о переводе с немецкого.

Откуда же узнал Евгений эти сведения о Фирсове и его Псалтыри?

Как известно, сведения о писателях для „Словаря...“ Евгений и его помощники черпали из самых разных источников: книг, журналов, собранных рукописей и др. Нами была просмотрена черновая рукопись „Словаря...“ (ОР ГПБ, Погод. собр., № 2009). В 4-м томе этой рукописи находится сообщение о Фирсове, написанное без исправлений и дополнений, полностью соответствующее печатному тексту „Словаря...“ Вероятно, таким образом сведения о Фирсове и его Псалтыри было получено один раз и никаких дополнительных сведений в процессе работы над „Словарем...“ не поступило. Откуда же получил Е. Болховитинов это известие о Фирсове и его Псалтыри?

Мы предполагаем, что эти сведения „сообщила“ Евгению записка на лицевой доске рукописи ГИМ, которая была воспроизведена выше. Ведь из этой записки следует:

1. Псалтырь получена из приказа, следовательно, автор ее служил в нем;
2. Раз Псалтырь переведена, следовательно, автор ее служил в Приказе переводчиком;
3. Раз Псалтырь переведена с лютеранской (так было прочитано ныне полностью не сохранившееся слово) Библии, следовательно, перевод был сделан с немецкого языка.

Вот и получается: Авраамий Фирсов – переводчик Стрелецкого приказа, а Псалтырь – перевод с немецкого языка.

В нашем предположении, однако, есть одно несоответствие: как мог Стрелецкий приказ преобразоваться в Посольский? Мы предполагаем, что это случилось по невниманию человека, читавшего упомянутую записку.

Таким образом, по вине составителей „Словаря...“ долгое время Псалтырь А. Фирсова считали переводом с немецкой Библии, а наше предположение объясняет в какой-то мере тот факт, что автора Псалтыри считали переводчиком Посольского приказа.

Вопрос об авторе Псалтыри кажется нам очень важным, ибо Фирсов не только переводил Псалтырь на „простой“ язык, но и сам создавал его, поскольку в то время не было нормы этого языка. Кем же он был, Авраамий Панкратьевич Фирсов? К сожалению, точного ответа на этот вопрос мы до сих пор не нашли. Нами были просмотрены списки переводчиков Посольского приказа (ЦГАДА, ф. 138), расходные столбцы Посольского приказа (ЦГАДА, ф. 159, оп. 1), но Авраамия Фирсова в них нет. Более того, нет его и в списках подьячих всех приказов (ЦГАДА, ф. 210, оп. 2, № 25; ф. 210, оп. 6а, № 146), в том числе среди тех, кто служил в Стрелецком приказе.

Поскольку в записке нет непосредственного указания на место службы Фирсова, только указание на то, что Псалтырь доставлена патриарху из Стрелецкого приказа, можно предположить, что А. Фирсов вообще не служил ни в одном из приказов, а Псалтырь могла каким-то образом попасть в Стрелецкий приказ. Можно предположить также, что Фирсов поручил кому-то из дьяков или подьячих Стрелецкого приказа переписать свой труд начисто.

Мы уже отмечали, что до недавнего времени исследователи ссылались лишь на одну рукопись Псалтыри А. Фирсова. Однако в 1983 г. проф. Б. А. Успенскому и нам посчастливилось найти еще 2 рукописные Псалтыри Фирсова.

Первая из обнаруженных рукописей находится в Москве, в Отделе рукописей ГБЛ (ф. 310, № 9; далее: сп. 1). Эта рукопись поступила в ОР ГБЛ в составе собрания рукописных книг В. М. Ундольского и им же самим была коротко описана [Ундольский, 1870, стб. 12–14].

Псалтырь написана скорописью, на 173 нумерованных листах + 3 белых листа. Бумага размером 21 × 31 см, водяной знак „Pro Patria“ (без льва), на левой стороне листа видны буквы ГУБР, на правой – ФСМП, что расшифровывается: „Города Углича бумажная русская фабрика содержателя Максима Переяславцева“; эта филигрань фиксируется в рукописях, написанных в 1762–1776 гг. [Клепиков, 1978, с. 79, № 139; с. 221].

Текст рукописи написан одним писцом черными чернилами, инициалы, названия и некоторые заглавия — красными чернилами. Бумага загрязнена, захватана, есть пятна, листы 1, 2, 8 подклеены. На листе 7 — заставка с изображением Иисуса Христа, выполненная чернилами.

На листе 1 (вклеенном, видимо, Ундольским) рукою Ундольского сделана надпись: „Псалтирь Фирсова. 2. По сличению съ опис. Синод. библ. № 16 оказывается, что пер. исправлен д.б. переписчиком“.

Нумерация листов сделана В. Ундольским, им же на 3-м белом листе в верхнем правом углу написано: „1852 г. мая 27 дня 1 р. пр. отъ П. Кувшинова“.

В рукописи очень много описок, неправильных прочтений, есть пропуски, повторы и недописанные слова (вероятно, недостающее предполагалось дописать другими чернилами).

Характерной особенностью этой рукописи, отличающей ее от двух других, является то, что в тексте расставлены ударения.

Итак, Псалтирь А. Фирсова, запрещенная патриархом Иоакимом в начале 1686 г. и хранившаяся с тех пор в его ризной казне, распространялась в списках! Это обстоятельство вызывало бы удивление, если бы не было значительных расхождений между рукописью ГИМ и рукописью из собрания Ундольского. Однако уже в Предисловии к читателю обнаруживается различие в обеих рукописях, причем, что очень важно, не столько на языковом уровне и даже не на текстологическом (в целом текст Предисловия в обеих рукописях почти одинаковый), а в плане полноты / краткости Предисловия. Оказывается, что Предисловие в рукописи ГИМ было сокращено, видимо, самим Фирсовым. Дальнейший текстологический анализ обеих рукописей обнаруживает еще одно очень важное отличие: в сп. 1 перед каждым псалмом имеется краткое описание содержания некоторых песен этого псалма, т.е. так называемые **аргументы**, которые полностью отсутствуют в рукописи ГИМ. Хотя большинство маргинальных глосс в обеих рукописях совпадает, довольно часто встречаются случаи, когда глосса есть в рукописи ГИМ, а в сп. 1 ее нет, и наоборот. Эти и другие обстоятельства приводят к мысли, что существовал другой, несколько отличный от рукописи ГИМ вариант Псалтыри, и именно с него был сделан список.

В связи с этим нам важно было бы выяснить: где, кем и зачем был сделан список с Псалтыри, запрещенной патриархом (правда, к середине XVIII в. этот запрет был, конечно, уже неактуальным).

Единственная ниточка, которая могла бы привести нас к ответу на этот вопрос, — это памятная запись В. М. Ундольского, сделанная в конце рукописи, в которой сообщается, что он приобрел ее 27 мая 1852 г. у П. Кувшинова. Кто же такой этот П. Кувшинов?

Нами был просмотрен архив В. М. Ундольского (ОР ГБЛ, ф. 704), однако в записях Ундольского эта фамилия не встречается. Следовало бы предположить, что П. Кувшинов — книготорговец, но в известных нам книготорговых каталогах такой фамилии нет [Осипов, 1976, 1978]. Мы пробовали найти П. Кувшинова в архивных собраниях ГБЛ, ГИМ, ГПБ, однако однозначного ответа все же не получили.

Таким образом, рукопись из собрания Ундольского хотя и поставила ряд новых вопросов, но все же дала нам новые сведения: во-первых, существовал иной, отличный от представленного патриарху Иоакиму вариант перевода Псалтыри, а во-вторых, в этом варианте содержится прямое указание автора на то, что он пользовался польскими текстами Псалтыри, причем указывается какими. В Предисловии к читателю говорится (в скобках дан текст, отсутствующий в рукописи ГИМ): „... ннѣ в сеи стои книгѣ псаломной истолкованы псалмы на нашъ простой словенской языкъ с великимъ прилѣжаніемъ... На славу и честь стому имени бжію, и всѣмъ людемъ во общую ползу, [со многихъ книгъ, разныхъ преводниковъ, со еврейскаго языка, яко суть с полскаго, латынскаго, немецкаго и греческаго и иныхъ языковъ преводниковъ сихъ: седмидесяти и дву и стаго црковнаго учителя Геронима, Якова Вуйка, Николая Радивила, и иныхъ преводниковъ]“ (л. 6 ГИМ, л. 4 об. сп. 1).

Таким образом, переводчик прямо указывает на 4 источника: церковнославянский текст Псалтыри, Вульгату, т.е. латинский текст, и два польских перевода: католический — Якуба Вуйка (Краков, 1599) и протестантский — Брестскую Библию 1563 г.

Тщательный анализ текста Предисловия свидетельствует о том, что в рукописи ГИМ отсутствуют те фрагменты текста, где указывается на источники, которыми пользовался автор, а также те места, в которых говорится об исправлениях языка Псалтыри и об аргументах.

Если учесть тот факт, что аргументы к псалмам в сп. 1 являются дословным (часто с текстуральными полонизмами) переводом аргументов из Брестской Библии, то следует сделать вывод, что в рукописи, представленной патриарху, отсутствует как раз то, что самым наглядным образом указывает на обращение Фирсова к польским источникам! И это неудивительно, так как Фирсов, видимо, знал об отношении патриарха к „латинствующим“ и о его борьбе с польским влиянием.

В таком случае текст, легший в основу сп. 1 и, как увидим ниже, сп. 2, является не только другим, но и более ранним вариантом перевода Псалтыри, хотя и сохранившимся в более поздних списках.

Могло ли быть наоборот: Фирсов, окончив свой труд и отослав его патриарху, продолжал работу и дополнил (а не сократил, как мы предполагаем)

свою Псалтырь? Такое предположение вызывает ряд неясностей. Во-первых, почему тогда он сразу, окончив свой труд в 1683 г., не отослал его патриарху, а ждал два года? Во-вторых, текстологический анализ памятника свидетельствует о том, что Фирсов не только аргументы переводил из польской Псалтыри. Многие стихи, почти все глоссы, а иногда и целые псалмы его Псалтыри являются переводом с польских источников. Трудно представить, что используя так активно польский текст, Фирсов мог сразу не перевести аргументы, а лишь потом дополнить ими свою Псалтырь. В-третьих, в рукописи ГИМ есть весьма загадочное обстоятельство, о котором уже упоминалось выше, — исправления в тексте и глоссы, написанные другой рукой. В целом эта „другая рука“ правит (весьма непоследовательно) отличные от церковнославянского текста места, приводя вместо них канонический церковнославянский текст. Однако на листе 190 об. рукописи ГИМ перед псалмом 136 та же „другая рука“ начинает писать аргумент к этому псалму, но обрывает его. Ранее к псалмам 19, 20 и 21 той же рукой на полях в качестве глосс написано то, что в сп. 1 является аргументами. Таким образом, ко времени получения этой рукописи патриархом уже существовал вариант перевода Псалтыри с аргументами!

Все эти обстоятельства свидетельствуют в пользу того, что протографом сп. 1 был более ранний вариант Псалтыри, которого не было у патриарха и который распространялся впоследствии в списках.

Вторая недавно обнаруженная рукопись лишь подтверждает сказанное выше.

Эта рукопись в настоящее время хранится в Центральном Государственном Историческом Архиве (ЦГИА) СССР в Ленинграде (ф. 834, оп. 3, № 3974, далее: сп. 2), была один раз кратко описана [Никольский, 1910, с. 796]. Рукопись ЦГИА в лист, на 122 листах (размер листа 21,5 × 33,5 см).

Бумага: левая сторона листа — герб Ярославля (медведь с секирой на гербовом щите), правая сторона — буквы ЯМАЗ, что расшифровывается так: Ярославская мануфактура Алексея Затрапезнова [Клепиков, 1952, с. 65].

На корешке рукописи стоит порядковый номер 191, на обратной стороне лицевой доски стоят еще два номера (1591^а и 67^а), причем первый из них зачеркнут. На листе 1 мы видим еще один зачеркнутый номер 20.

Лист 2 почти пустой, только внизу запись — *friger*. На листе 3 крупным почерком написано: „псалтырь простымъ нарѣчиємъ переведенная и с разныхъ языковъ исправленная“. Внизу той же рукой написано: *Possesio praefecti Hieronimachi Athanasij*. Внизу листа 4 приписка, сделанная позже: „из книгъ архимандрита Евфимия“.

Рукопись написана черными чернилами, скорописью, очень аккуратно и, что очень интересно, несколькими писцами. Каждый писец начинал пи-

сать с нового листа (или тетради) и в среднем каждый писал по 8 листов, В нижнем правом углу того листа, с которого начинал писать новый писец, ставился его порядковый номер: „1“, „2“ „14“. Той же рукой, которой следовала нумерация писцов, на протяжении всей рукописи правится текст: исправляются ошибки, порядок слов, вставляются пропущенные слова и глоссы.

В самом конце рукописи, на листе 121 тем же писцом, который писал последние листы рукописи, сделана надпись, старательно зачеркнутая, а поэтому полностью не прочитанная. Читается следующее: „п..... от пр/ео/сшен^н / ago/. 17 $\frac{1}{4}$ /2 ок/тя/бр/я/ |26/“.

Таким образом, следует особо выделить следующие особенности сп. 2.

1. Рукопись написана 14-ю писцами, описки которых исправлялись одним человеком. Следует предположить, что рукопись переписывалась в духовной семинарии семинаристами, а исправления делались их преподавателем или префектом.

2. В рукописи имеется несколько владельческих надписей: префекта иеромонаха Афанасия, архимандрита Евфимия и еще ссылка на какого-то „пресвященнаго“.

3. Поскольку рукопись четырежды меняла свой порядковый номер, следует предположить, что у нее было по крайней мере 4 владельца, причем № 1591 свидетельствует о том, что владельцем было, вероятно, не частное лицо, а какая-то библиотека, скорее всего, духовного заведения.

4. И, наконец, — дата, поставленная в конце рукописи: 26 октября 17 $\frac{1}{4}$ 2 года. Является ли она датой переписки рукописи?

Остановимся на этом вопросе. Выше уже упоминалось, что сп. 2 написан на бумаге Ярославской мануфактуры Алексея Затрапезнова. Исследователи филиграней этой мануфактуры дают следующие даты: филигрань ЯМАЗ (большого формата) встречается в рукописях 1756—1766 гг. [Клешиков, 1952, № 219—221]. В связи с этим ни 1742, ни, тем более, 1712 г. не может считаться годом написания рукописи. Она могла быть написана с 1756 по 1766 г.

То, что проставленная в конце рукописи дата не является датой написания рукописи, не вызывает сомнения и еще по одной причине. Выше было отмечено, что эта „владельческая“ надпись сделана тем же „14-м“ писцом, который писал последние листы рукописи. Мог ли он быть ее владельцем? Вряд ли. Скорее всего, в протографе, с которого делалась копия, была эта запись, и писец, увлекшись, переписал и ее. Вот почему она была сразу зачеркнута рукой проверяющего!

Это обстоятельство дает возможность попытаться узнать судьбу протографа, который был, видимо, получен „от пресвященнаго“.

Однако прежде попытаемся проследить судьбу сп. 2. В архив Святейшего Правительствующего Синода рукопись попала из Тихвинского Богородицкого монастыря. Библиотека этого монастыря несколько раз описывалась, и интересующая нас рукопись в этих описаниях фигурирует под № 19 или № 20 [Бередииков, 1888, с. 183; Кушневич, 1908, с. 352]. Упоминает об этой рукописи и П. М. Строев [Строев, 1882, с. 277–278].

Просматривая архив Тихвинского Богородицкого монастыря, хранящийся в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ), мы обнаружили документ под названием „Опись учиненная оставшимся после смерти архимандрита Евфимия собственным его книгам 1792 года февраля 26 дня“ (ЛОИИ, ф. 132, оп. 4, № 15, л. 122). В этой описи среди других рукописных и печатных книг значится и интересующая нас Псалтырь № 20. Псалтырь простым наречием переведенная письменная одна.

Итак, один владельческий номер – 20 – архимандрита Евфимия.

Таким образом, с февраля 1792 г. Псалтырь находилась в библиотеке Тихвинского Богородицкого монастыря под № 19 [Опись, 1858].

Как же эта рукопись попала к архимандриту Евфимию? Евфимий – сын мещанина города Новгородка Черниговской епархии, мирское его имя Елевферий Павлович Стерновский. Родился он в 1715 г., иеромонашество принял в Александро-Невском монастыре [Рункевич, 1913, с. 644]. С 1766 г. он был архимандритом Тихвинского Успенского монастыря, где 13 марта 1788 г. был уволен на покой, а 26 февраля 1792 г. скончался [Строев, 1877, стб. 64].

Псалтырь А. Фирсова попала к Евфимию, вероятно, от некоего префекта иеромонаха Афанасия. Должность Афанасия свидетельствует о том, что он служил в духовном учебном заведении. Причем, видимо, под его руководством и была сделана копия Псалтыри с неизвестного нам протографа. Поскольку, как было доказано выше, рукопись могла быть написана в период с 1756 по 1766 г., нам необходимо искать иеромонаха Афанасия, исполнявшего в это время должность префекта в духовном учебном заведении.

Нами были просмотрены Истории разных православных духовных учебных заведений России, „Списки...“ П. М. Строева и другие материалы, которые помогли бы нам найти префекта иеромонаха Афанасия. Выдвигаемым требованиям соответствует лишь один Афанасий – иеромонах Афанасий Анфиногенов, бывший с 1761 по июль 1767 г. префектом Новгородской духовной семинарии [Смирнов, 1896, с. 1007].

Если исследуемая нами Псалтырь действительно была переписана в Новгородской духовной семинарии, то время ее переписки можно ограничить 1761–1766 гг.

Поскольку Тихвинский Богородицкий монастырь находился в Новгородской епархии, контакты между архимандритом Евфимием и Афанасием Анфиногеновым были вполне возможны.

Обратимся теперь к тексту сп. 2. Не останавливаясь на этом подробно, можно сказать, что он сделан с того же протографа, что и сп. 1. Это доказывается на основе следующих текстологических сравнений обеих рукописей. В обоих списках встречаются те же пропуски отдельных слов и выражений (в рукописи ГИМ они есть); в обоих списках — те же дополнительные слова и выражения, которых нет в рукописи ГИМ, одинаковые замены слов и даже одинаковые ошибки, которых нет в рукописи ГИМ, но которые, видимо, были в общем протографе обоих списков.

Следует исключить возможность переписки одной рукописи с другой, ибо: 1) места, пропущенные в сп. 1, есть в сп. 2, и наоборот; 2) слова и буквы, неправильно прочитанные и написанные писцом сп. 1, правильно написаны писцами сп. 2.

Таким образом, оба списка были сделаны с одного протографа независимо друг от друга.

Итак, не останавливаясь подробно на языковом материале, мы рассмотрели три рукописи Псалтыри Аврамы Фирсова. Изучение языковых особенностей этих рукописей позволяет узнать, каким представлялся „простой“ язык в языковом сознании переводчика конца XVII в., а также определить степень влияния польского языка на формирование нового литературного языка Московской Руси.

ON THE PROBLEM OF "COMMON SPEECH" ("PROSTOI JAZYK") IN MOSCOW RUSSIA (PSALTER BY AVRAMY FIRSOW)

E. A. Tselunova

Summary

At the end of the 17th c. in Moscow Russia there appeared books written in the "prostoi jazyk" (literally "simple" language). The earliest of the books of this kind is the Psalter by Avramy Firsow (1683). Three manuscripts of this Psalter are known nowadays. The study of the language and style of these manuscripts will extend our knowledge of the "simple" language in Moscow Russia.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бередииков, 1888; Кунцевич, 1908 — Бередииков Я. И. Историко-статистическое описание первокласснаго Тихвинскаго Богородицкаго Большаго монастыря. — СПб., 1888; Кунцевич Г. З. Опись рукописей Тихвинскаго Успенскаго монастыря. — Известия ОРЯС, 1907, т. 12, кн. 4. — СПб., 1908.

Горский, Невоструев, 1855 – Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. I. – М., 1855, № 16.

Евгений, 1845 – Евгений (Болковитинов). Словарь русских светских писателей. – М., 1845, т. 2.

Исаченко, 1981 – Исаченко Т. А. Псалтырь Авраамия Фирсова. Опыт перевода Священного Писания на русский язык: Дипломн. работа. – М., МГУ, Филол. ф-т, 1981.

Клепиков, 1952 – Клепиков С. А. Филиграния и штемпеля бумаг русского производства XVIII–XX вв. – В кн.: Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1952.

Клепиков, 1959 – Клепиков С. А. Филиграния и штемпеля. – М., 1959.

Клепиков, 1978 – Клепиков С. А. Филиграния на бумаге русского производства XVIII–нач. XX в. – М., 1978.

Ларин, 1937 – Ларин Б. А. „Русская грамматика“ Г. В. Лудольфа 1696 г. – Л., 1937.

Никольский, 1910 – Никольский А. (сост.). Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующаго Синода. – СПб., 1910, т. 2, вып. 2.

Опись, 1858 – Опись рукописям и книгам, составляющим библиотеку Первоклассного Тихвинского Богородицкого монастыря. – 1858. (Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 4, № 28, л. 4 об.)

Осипов, 1976, 1978 – Осипов В. О. (ред.) Книготорговые каталоги: Указатель: Уч. пособие по курсу „Общая и книготорговая библиография“. Вып. 1. – М., 1976; Вып. 2. – М., 1978.

Рункевич, 1913 – Рункевич С. Г. Александро-Невская Лавра. – СПб., 1913.

Савва, 1858 – Савва (Тихомиров). Указатель для обозрения Московской Патриаршей (Синодальной) библиотеки. – М., 1858.

Смирнов, 1896 – Смирнов В. История Новгородской духовной семинарии. – Новгородские епархиальные ведомости. – 1896, № 16.

Строев, 1877 – Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877.

Строев, 1882 – Строев П. М. Библиографический словарь. – СПб., 1882.

Сын Отечества, 1822 – Сын Отечества, 1822, ч. 75, № 4.

Ундольский, 1870 – Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. – М., 1870, т. 1.

Успенский, 1983 – Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. – М., МГУ, 1983.

Филарет, 1859 – Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. – Харьков, 1859.

Вильнюсский государственный университет

им. В. Капсукаса

Кафедра русского языка

Декабрь, 1983